

УДК 81'367.4

К ВОПРОСУ О РЕКУРРЕНТНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ В СФЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале сочетаний «прилагательное + существительное»)

Н.В.Юдина

ON THE RECURRENCE OF LEXICAL FORMATIONS IN PHRASEOLOGY (based on the word-combinations "adjective + noun")

N.V.Yudina

Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, dr.yudina@mail.ru

В статье рассмотрены сочетания, построенные по модели «прилагательное + существительное», имеющие рекуррентный характер и названные атрибутивно-субстантивными комплексами (АСК). Сравнение дифференциальных и интегральных свойств АСК с фразеологизмами, свободными и паремиологическими единицами показало, что данные конструкции занимают промежуточное положение между свободными и устойчивыми сочетаниями и хранятся в сознании носителей языка целиком.

Ключевые слова: фразеология, паремиология, синтагматика, рекуррентность, атрибутивно-субстантивный комплекс

This paper is devoted to lexical formations referring to the model "adjective + noun", having the recurrent character and named as attributive-substantive complexes (ASC). The comparison of discriminative and integrative properties of ASC with phraseological, free and paroemiological units showed that such constructions occupy an intermediate position between the absolutely free and stable word-combinations and are kept in the native-speakers' minds as a whole.

Keywords: phraseology, paremiology, syntagmatics, recurrence, attributive-substantive complex

В последнее время термин «рекуррентность», первоначально появившийся в математике и в общем виде обозначающий «повторяемость», становится неотъемлемой частью терминологического аппарата лингвистических исследований, что обусловлено необходимостью описания некоторых пограничных языковых явлений — в том числе и в сфере фразеологии. В центре внимания настоящей статьи находится ряд сочетаний, построенных по модели «прилагательное + существительное» и потенциально имеющих возможность получить статус смежных с фразеологическими и паремиологическими единицами образований. Комбинации типа *добрый молодец, серый волк, вечерний звон, русское поле, милый друг, немецкий порядок, китайский фарфор, итальянская пицца, ивановский текстиль, оренбургский платок, профессорская забывчивость, офицерская честь, авгиевы конюшни, соломоново решение* и мн. др. не могут быть отнесены ни к полностью свободным, ни к абсолютно несвободным сочетаниям. Подобные явления предложено называть *атрибутивно-субстантивными комплексами* (АСК) [1]. Они представляют собой регулярно воспроизводимые в речи сочетания слов, одним из основных признаков которых является рекуррентный характер структуры, реализующийся в том, что в ментальном лексиконе говорящего они хранятся в большинстве своем как целостные единицы и характеризуются концептуальной композиционной слитностью. АСК так же, как и многие другие фразеологические и паремиологические единицы, несут вечные ценности и рожают новые смыслы.

Среди основных признаков АСК следует особо выделить следующие:

1. Значение целого в АСК часто не выводится полностью из значения его частей, но мотивируется ими [2], при этом типы *композиционной семантики АСК не суммативные, а лишь частично предсказуемые*. При этом такого рода *предсказуемость обусловлена* знаниями не языка, а *фоновыми знаниями индивида*. АСК культурологичны и объективированы социумом.

2. АСК характеризуются *большой когнитивной насыщенностью, информативностью* и даже *сложностью*, связанными с *имплицитными приращениями смыслов* к целому по сравнению с суммой составляющих компонентов.

По сравнению с фразеологизмами, или ФЕ, под которыми обычно понимают «семантически несвободные сочетания слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры — словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в узуально закрепленном за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава» [3], АСК имеют другой объем — «имплицитные приращения смысла сверх словарных значений сочетающихся имен» [4].

3. АСК характеризуются *возможностью довольно свободной интерпретации*: АСК может иметь разный смысл у носителей разных языков и культур, а также представителей разных возрастных, социальных, гендерных и др. групп в пределах одного языка и одной культуры.

4. Из лингвистических особенностей АСК следует отметить следующие: как правило, большинство типов АСК *не позволяют инкорпорации и достаточно редко трансформируются в предикативные конструкции*.

Так, например, эквивалентная трансформация атрибутивных сочетаний в предикативные при сохранении того же значения и определением, и определяемым далеко не всегда представляется возможной. Ср., напр.: *добрый молодец* и **Этот молодец — добрый*; *глубокая благодарность* и **Эта благодарность — глубокая*; *сыновний долг* и **Этот долг — сыновний*. Вполне понятно, что в акте коммуникации редко возникает потребность актуализировать признак, который обозначается данными прилагательными в структуре анализируемых сочетаний, и переместить его из атрибутивной сферы в предикативную.

Думается, что невозможность эквивалентной трансформации атрибутивных конструкций в предикативные дает основание говорить об особом типе синтаксических отношений, устанавливаемых между существительным и прилагательным в большинстве типов АСК. Такие отношения, безусловно, близки к традиционным атрибутивным, но не эквивалентны им.

5. АСК как единицы языка *совмещают в себе признаки свободных словосочетаний и фразеологизмов*.

Так, например, со *свободным словосочетанием* (в соответствии с номинативной концепцией В.В.Виноградова) АСК «роднит»: 1) наличие в его составе двух полнозначных слов, 2) грамматическая раздельнооформленность, 3) номинативность, непредикативность, наличие подчинительной связи между компонентами, 4) аналитичность семантики, в то время как свободное строение и невозпроизводимость, являющиеся дифференциальными признаками свободного словосочетания, им не свойственны (дифференциальные признаки словосочетания взяты из «Краткого справочника по современному русскому языку» под ред. П.А. Леканта [5]). Вместе с тем, в отличие от свободных словосочетаний «прилагательное + существительное», в которых атрибут выступает в виде определения, устанавливающего «предел» и наделяющего объект каким-либо признаком, АСК служат не столько описанию объекта, сколько *выделению* его из мира подобных объектов.

К универсальным признакам *фразеологизмов* В.Н.Телия относит три основных: 1) семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, 2) устойчивость и 3) воспроизводимость [3]. Однако следует заметить, что два последних термина не получили в лингвистике однозначного толкования, и, как известно, существует, по крайней мере, узкое и широкое понимание устойчивости и воспроизводимости.

Так, например, согласно мнению В.П.Жукова, воспроизводимость — это «регулярная повторяемость, возобновляемость в речи языковых единиц разной степени сложности, т.е. неоднородных, разнокачественных образований» [6]. Устойчивость же как «мера, степень семантической слитности и неразложимости компонентов», «мера сопротивляемости

фразеологизма как особой, качественно определенной единицы языка свободному словосочетанию», неразрывно связана с идиоматичностью — «смысловой неразложимостью фразеологизма вообще» [6]. В результате В.П.Жуков делает в этой связи вывод о том, что «устойчивость и воспроизводимость — понятия соприкасающиеся, но отнюдь не тождественные. Все языковые единицы, обладающие устойчивостью, воспроизводимы, но не все воспроизводимые «сверхсловные» образования наделены устойчивостью» [7].

Если же принимать во внимание более широкий взгляд на устойчивость и воспроизводимость, отраженный, например, в работах С.И.Ожегова и вслед за ним в исследованиях В.Г.Гака, то устойчивыми следует признать не только единицы типа *бить баклуши* или *валять дурака*, но и сочетания типа *железная крыша*, *пить чай*, *каменный дом* и т.п., т.к. они «легко создаются в процессе речи, как закрепленное обозначение обычных для говорящего, типичных отрезков действительности. Все подобные словосочетания могут быть настолько закреплены в речевом обиходе, что о них можно говорить как о воспроизводимых, а не каждый раз создаваемых в потоке речи» [8]. Таким образом, исходя из второй точки зрения на воспроизводимость и устойчивость, можем заметить, что практически все АСК удовлетворяют в этом смысле данным установкам и являются, таким образом, устойчивыми и воспроизводимыми — иными словами, имеют рекуррентный характер. Если же ориентироваться на узкое понимание устойчивости и воспроизводимости и принять за основу тот факт, что «мерилом устойчивости служит степень семантической сплоченности компонентов и устойчивость компонентов не зависит от предсказуемости компонентов на лексическом уровне» [9], то тогда намечается существенная разница между АСК и ФЕ и состав АСК по сравнению с фразеологическим корпусом заметно расширяется.

Однако, как справедливо указал С.И.Ожегов, кроме устойчивости и, соответственно, воспроизводимости, «словосочетание должно обладать и другими признаками для того, чтобы стать фразеологической единицей». По Ожегову, два основных признака делают словосочетание фразеологической единицей: 1) «несущественность характера синтаксических связей для значения целого» и 2) «приобретение единого смысла», или «семантическая монолитность» [10]. И, как следствие, замечает С.И.Ожегов, «с этой точки зрения вопрос о выводимости или невыводимости значения фразеологической единицы из суммы лексических значений слов-компонентов является второстепенным» [10]. Этот факт свидетельствует о принципиальном отличии ФЕ от АСК, для которых крайне важным остается вопрос о *степени выводимости / невыводимости композиционной семантики из суммы значений составляющих частей*. В этом же ключе развивается мысль и в представленном в монографии «Русская фразеология» В.П.Жукова сравнении свободного словосочетания и фразеологизма: «В тех случаях, когда одновременно семантически реализуется и весь словесный комплекс и его составляющие, говорящий думает и о словосочетании в целом и о

смысле отдельных слов, входящих в словосочетание. Семантическая же реализация фразеологизма, напротив, предполагает забвение смысла составляющих его частей» [11]. Таким образом, в этой связи АСК имеет общие черты со свободным словосочетанием и принципиально отличается от фразеологизма: в значении АСК говорящему важны три момента: 1) смысл каждого компонента в отдельности, 2) семантическая монолитность всего словесного комплекса, а также (что крайне важно!) 3) тот *имплицитный смысл*, который не вытекает из семантики компонентов АСК или всего АСК в целом, а является скрытым и выводимым из структур знаний каждого индивида. Этот последний, третий момент дает основания выявить еще одну существенную разницу между АСК и ФЕ: *значение АСК*, в отличие от значения фразеологизма (которое «одно на всех»), *чаще индивидуально*, чем коллективно.

Н.М.Шанский в качестве основных причин, превращающих свободное сочетание слов в «устойчивый по своему составу и строению и целостный по значению фразеологический оборот», называет:

1) «постоянное и повторяемое употребление свободного сочетания слов не в прямом, а в обобщенном, образно-переносном значении;

2) появление в свободном сочетании слов слова связанного употребления и

3) выражение свободным сочетанием слов единого понятия, принадлежащего к актуальным для данной исторической эпохи» [12]. Ориентируясь на эту позицию, можно, вероятно, предложить «механизм» появления АСК, в основе чего лежат не собственно лингвистические, а экстралингвистические механизмы: в центре появления АСК лежит *знание* (прочитано произведение, просмотрен фильм, узнана конкретная ситуация), которое может закрепиться в мозгу одного человека или нескольких индивидов, после чего становится достоянием многих и только потом уже закрепляется в языке в качестве устойчивой и воспроизводимой единицы и включается в ментальный лексикон носителей одного и того же языка.

Кроме того, еще одним отличием АСК от ФЕ является то, что для АСК не всегда свойственна «синтаксическая нечленность», присущая большинству фразеологических единиц. Разные типы АСК по-разному ведут себя в структуре предложения: одна группа сочетаний представляет собой два разных члена предложения (ср., напр., *алые паруса*, *материнская любовь*), другой же группе, как и ФЕ, в определенных контекстах свойственна синтаксическая нечленность (ср., напр., *голубое золото* = газ, *Северная столица* = Санкт-Петербург и др.).

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ атрибутивно-субстантивных комплексов с наиболее традиционными комплексными языковыми единицами позволяет сделать вывод о том, что АСК на языковом уровне представляет собой комбинированную единицу, построенную по модели «прилагательное + существительное» и совмещающую в себе признаки как свободных, так и несвободных сочетаний слов.

6. В контексте рассмотрения особенностей АСК в сравнении с фразеологизмами целесообразным представляется **сопоставление АСК и пословиц**.

Исходным в определении лингвистических особенностей пословицы многими специалистами признается тезис о том, что пословица обладает замкнутой формой клише, т.е. не изменяется и не дополняется в речи (см., напр.: [13]; [14]; [15] и др.). При этом в научных определениях последних лет в центре внимания учёных оказываются структурные признаки пословиц. Как отмечается в предисловии к 7-му переизданию «Словаря русских пословиц и поговорок» В.П.Жукова, от фразеологизмов пословицы «отличаются в структурном отношении: они представляют собой законченное предложение» [16]. В пословицах реализуются все основные конструктивные признаки предложения, такие как смысловая и интонационная завершенность, синтаксическая членность (если пословица употреблена в прямом смысле), категория модальности и предикативности [16]. Среди семантических особенностей в качестве определяющего признака признается значение всеобщности [17]. Иными словами, пословицы представляют собой языковую аккумуляцию определенного опыта народа в виде суждений, содержащих представление о вечных ценностях.

Основным отличием АСК от пословиц являются их структурные характеристики: пословицы имеют признаки предложения, а АСК — словосочетания. При этом вполне очевидным представляется тот факт, что пословицы также обладают рекуррентным характером, т.е. воспроизводятся в сознании говорящего целиком, что, безусловно, сближает пословицы с АСК. Кроме того, АСК так же, как и пословицы, в основе своей отражают представления языкового коллектива о вечных ценностях, однако при этом несут и новые культурные смыслы, приобретаемые языковым сознанием народа.

Таким образом, исходя из представленных данных, мы имеем основания предположить, что в системе промежуточных типов сочетаний слов и смежных с фразеологическими и паремиологическими единицами образований можно выделить атрибутивно-субстантивные комплексы (АСК). АСК — это построенные по модели «прилагательное + существительное» конструкции, представляющие собой промежуточные на лингвистическом уровне единицы, находящиеся между полностью свободными и устойчивыми сочетаниями и хранящиеся в мозгу разных носителей одного и того же языка в виде целостной когнитивной структуры, имеющей имплицитный «надсмысл», в большинстве своем не выводимый из семантики составляющих компонентов, а основанный на фоновых знаниях индивида. Атрибутивно-субстантивные комплексы являются отражением и выразителем тех «рефлексов», которыми живут современные русскоговорящие люди, и так же, как и многие фразеологические и паремиологические единицы, несут вечные ценности и рожают новые смыслы.

1. Юдина Н.В. Сочетания «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте. М.-Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГПУ, 2006. С. 364.
2. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б.Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 203.
3. Телия В.Н. Фразеологизм // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. Ю.Н.Караулов. М.: Дрофа, 1997. С. 605.
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1988. С. 151.
5. Касаткин Л.Л. и др. Краткий справочник по современному русскому языку (КССРЯ) / Под ред. П.А.Леканта. М.: Высш. школа, 1991. С. 350.
6. Жуков В.П. Русская фразеология: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1986. С. 5.
7. Там же. С. 7.
8. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1974. С. 197.
9. Жуков В.П. Русская фразеология, с. 6.
10. Ожегов С.И. Лексикология... С. 198-199.
11. Жуков В.П. Русская фразеология, с. 14.
12. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. С. 92.
13. Барли Н. Структурный подход к пословице и максиме // Паремнологические исследования: сб. ст. / Сост. и ред. Г.Л.Пермяков. М.: Наука, 1984. С. 127-148.
14. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. М.: Наука, 1970. 240 с.
15. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск: ПГУ, 1999. 448 с.
16. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М.: Рус. язык, 2000. С. 9.
17. Крикманн А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремнологические исследования: Сб. ст. / Сост. и ред. Г.Л. Пермяков. М.: Наука, 1984. С. 153-154.
- Press, 1987, Chicago and London. (Russ. ed. Lakoff J. Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: chto kategorii iazyka govoriat nam o myshlenii. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, p. 203).
3. Teliia V.N. Frazеologizm [Phraseological unit]. Encyclopedia (2nd ed. rev. and enl.), Ed. Iu.N.Karaulov. Moscow, Drofa Publ., 1997, p. 605.
4. Nikitin M.V. Osnovy lingvisticheskoi teorii znachenii [The first principles of the linguistic theory of meaning]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1988, p. 151.
5. Kasatkin L.L. et al. Kratkii spravochnik po sovremennomu russkomu iazyku [Quick-reference book on Modern Russian]. Ed. by P.A.Lekant. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1991, p. 350.
6. Zhukov V.P. Russkaia frazeologiya [Russian phraseology]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1986, p. 5.
7. Ibid, p. 7.
8. Ozhegov S.I. Leksikologiya. Leksikografiia. Kul'tura rechi [Lexicology. Lexicography. Speech culture]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1974, p. 197.
9. Zhukov V.P. Ibid, p. 6.
10. Ozhegov S.I. Ibid, pp. 198-199.
11. Zhukov V.P. Ibid, p. 14.
12. Shanskii N.M. Frazеologiya sovremennogo russkogo iazyka [Phraseology of Modern Russian] (3rd ed. rev. and enl.). Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1985, p. 92.
13. Barli N. Strukturnyi podkhod k poslovitse i maksime [Structural approach to proverbs and maxims]. Paremiologicheskie issledovaniia [Paramiological studies]. Collected works, comp. and ed. G.L.Permiakov. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 127-148.
14. Permiakov G.L. Ot pogovorki do skazki [From proverb to fairy tale]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 240 p.
15. Tarlanov Z.K. Russkie poslovitsy: sintaksis i poetika [Russian proverbs: syntax and poetics]. Petrozavodsk, PGU, 1999. 448 p.
16. Zhukov V.P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok [Dictionary of Russian proverbs and sayings] (7th ed. stereotyped). Moscow, Russkii iazyk Publ., 2000, p. 9.
17. Krikmann A. Opyt ob"iasneniia nekotorykh semanticheskikh mekhanizmov poslovitsy [Interpretation experience of some semantic mechanisms of a proverb]. Paremiologicheskie issledovaniia [Paramiological studies]. Collected works, comp. and ed. G.L.Permiakov. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 153-154.

References

1. Iudina N.V. Sochetaniia "prilagatel'noe + sushchestvitel'noe" v lingvokognitivnom aspekte [The word-combinations "adjective + noun" in linguo-cognitive aspect]. Moscow — Vladimir, In-t iazykoznaniiia RAN, VGPU, 2006, p. 364.
2. Lakoff, J. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. The University of Chicago